

ГЛАВА LXII

Андзолето не преминул встать в полночь, взять свой стилет, надушиться и загасить свечу. Но в ту минуту, когда он собирался тихонько отпереть дверь (а он уже раньше приметил, что замок в ней открывается мягко и бесшумно), его крайне удивило, что ключ не поворачивается. Возясь с ним, он изломал себе все пальцы и вконец измучился, да к тому же боялся, слишком сильно толкая дверь, кого-нибудь разбудить. Но все оказалось напрасно. Другой двери из его комнаты не имелось. Окно выходило в сад на высоте пятидесяти футов от земли; стена была совершенно гладкая и непреступная, и при одной мысли о спуске по ней кружилась голова.

«Это не случайность, — сказал себе Андзолето, еще раз тщетно попытавшись открыть дверь. Будь то Консуэло (а это хороший признак: ее страх говорил бы о ее слабости), будь то граф Альберт, все равно — они оба у меня поплотятся!»

Он решил было снова уснуть, но ему мешала досада, а быть может, какое-то беспокойство, близкое к страху. Если такую предосторожность предпринял Альберт, значит, он один во всем доме не заблуждался относительно «братских» отношений между Андзолето и Консуэло. А у той был уж очень испуганный вид, когда она предупреждала его остерегаться «этого страшного человека». Как ни убеждал себя Андзолето, что молодой граф, будучи не в своем уме, вряд ли может быть последовательным в своих действиях, и, кроме того, принадлежа к знаменитому роду и подчиняясь предрассудкам своего времени, он не пожелает драться на дуэли с комедиантом, все же эти доводы были малоуспокоительны. Альберт произвел на него впечатление человека хоть и помешанного, но тихого и вполне владеющего собой; что же касается предрассудков, то, по-видимому, они были не очень-то сильны

в нем, раз он собирался жениться на актрисе. Поэтому Андзолето стал не на шутку опасаться, что, добиваясь своей цели, нарвется, пожалуй, на столкновение с молодым графом и наживет себе совершенно попусту массу неприятностей. Такая развязка не столько пугала его, сколько казалась постыдной. Он научился владеть шпагой и льстил себя надеждой, что не отступит перед противником, как бы искусен тот ни был. Тем не менее успокоиться он не мог и так и не сомкнул глаз всю ночь.

Около пяти часов утра ему послышались шаги в коридоре, и вскоре дверь легко и бесшумно открылась. Еще не вполне рассвело, а потому, увидав человека, столь бесцеремонно входящего в его комнату, Андзолето подумал, что настала решительная минута. Он бросился к своему стилету и, словно бык, ринулся вперед. Но тотчас же в предрассветной мгле он узнал своего проводника, который делал ему знаки говорить потише и не шуметь.

— Что означают твои ужимки и что тебе надо, дурень? — раздраженно спросил Андзолето. — Как ты умудрился пробраться сюда?

— Да как же иначе, если не через дверь, мой добрый синьор.

— Дверь была заперта на ключ.

— Но ключ-то вы оставили снаружи.

— Не может быть! Вот он здесь, на столе.

— Подумаешь, что за диво, — там, значит, другой.

— Кто же так подшутил надо мной, заперев меня? Вечера вечером был только один ключ; уж не ты ли проделал это, когда приходил за моим чемоданом?

— Клянусь богом, не я, и другого ключа я не видел.

— Ну, стало быть, это черт! Но что у тебя за озабоченный и таинственный вид и зачем ты сюда явился? Я не посылал за тобой.

— Вы не даете мне слова вымолвить. Впрочем, вы меня видите и, уж наверно, сами понимаете, что мне надо.

Синьора благополучно доехала до Тусты, и вот я, по ее приказанию, вернулся с лошадьми за вами.

Понадобилось несколько мгновений, прежде чем Андзолето сообразил, в чем дело; однако он понял все достаточно быстро, чтобы проводник, чьи суеверные страхи улетучились вместе с ночными тенями, не заподозрил снова проделок дьявола. Плут первым делом разглядел деньги, данные ему Консуэло, проверил, как они звенят на мощеном полу конюшни, и остался доволен своей сделкой с адом. Андзолето понял все с полуслова и подумал, что беглянка, находясь, как и он, под бдительным надзором, не смогла предупредить его о своем решении. Быть может, доведенная до крайности угрозами своего ревнивца, она воспользовалась удобной минутой, чтобы расстроить все его замыслы, сбежать и вырваться на свободу.

«Как бы там ни было, — сказал он себе, — нечего сомневаться и раздумывать. Указания, которые она прислала с человеком, доставившим ее до Пражской дороги, ясны и точны. Победа! Только бы мне выбраться вслед за ней отсюда, не скрестив ни с кем шпаги!»

Он вооружился до зубов и, поспешно собираясь, послал проводника разведать, свободен ли путь. Когда тот сообщил, что, по-видимому, в доме все еще спят, кроме сторожа у подъемного моста, только что впустившего его, Андзолето бесшумно сошел вниз, вскочил на коня и, встретив во дворе только одного конюха, подозвал его и дал ему на чай, чтобы отъезд его не показался бегством.

— Клянусь святым Венцеславом, — сказал тот проводнику, — вот странное дело! Лошади вышли из конюшни все в мыле, словно скакали ночь напролет.

— Видно, ваш черный дьявол приходил чистить их, — ответил проводник.

— Вот оно что! — подхватил конюх. — То-то я слышал всю ночь ужасный шум в той стороне, да боялся выйти посмотреть; но вот, как я вас перед собой вижу, так я слышал,

как скрипела решетка и опускался подъемный мост. Я даже решил, что это вы уезжаете, и уже не думал вас встретить нынче утром.

Сторож у подъемного моста сделал другого рода замечание.

— Ваша милость, стало быть, изволит двоиться? — спросил он, протирая глаза. — Я видел, как вы уехали в полночь, а вы опять здесь.

— Это приснилось тебе, любезный, — сказал Андзолето, также давая ему на чай, — да я и не уехал бы, не попросив тебя выпить за мое здоровье.

— Ваша милость делает мне слишком много чести, — ответил сторож на ломаном итальянском языке. — Как бы там ни было, — прибавил он по-чешски проводнику, — а я видел в эту ночь двойников.

— Смотри, как бы будущей ночью не увидеть четверых, — ответил тот, поскакав вслед за Андзолето по мосту. — Черный дьявол любит выкидывать штучки с такими сонями, как ты.

Итак, Андзолето, руководясь советами и указаниями своего спутника, добрался до Тусты, или Тауса, ибо, кажется, это один и тот же город.

Отпустив проводника и взяв почтовых лошадей, он поехал дальше, воздерживаясь от каких бы то ни было распросов на протяжении первых десяти миль, а проехав их, остановился позавтракать, ибо умирал от голода, и справился относительно госпожи Вольф, которая должна была ждать его здесь с каретой. Понятно, никто не мог дать о ней никаких сведений.

Правда, в городке имелась одна госпожа Вольф, но она жила здесь уже пятьдесят лет и держала галантерейную лавку. Андзолето, разбитый, измученный, решил, что Консуэло, очевидно, не нашла возможности остановиться на этом месте. Он хотел было взять наемную карету, но таковой не оказалось. И волей-неволей пришлось ему вновь

взобраться на лошадь и мчаться во весь опор дальше. Он нисколько не сомневался, что вот-вот встретит заветную карету, куда бросится и тотчас будет вознагражден за все трудности и тревожения. Но путешественников встречалось очень мало, и ни в одной карете не видно было Консуэло. Наконец в полном изнеможении, не находя нигде наемной кареты, до смерти раздосадованный, Андзолето решил остановиться в небольшом селении у дороги и подождать Консуэло — ему уже казалось, что он опередил ее. Весь остаток дня и всю последующую ночь у него было достаточно времени, чтобы проклинать женщин, постоянные дворы, ревнивцев и дороги. На следующий день ему удалось достать место в проезжавшем дилижансе, и он продолжал путь в Прагу, но не с большим успехом. Предоставим же ему с бешенством и нетерпением, смешанным с надеждой, продвигаться на север, а сами вернемся на минуту в замок и посмотрим, какое впечатление произвел отъезд Консуэло на его обитателей.

Можно легко представить, что графу Альберту спалось не лучше, чем двум другим участникам этого внезапного приключения. Заручившись вторым ключом от комнаты Андзолето, он запер дверь снаружи и перестал беспокоиться о поползновениях своего противника, прекрасно зная, что никто не пойдет его освободить, если не вмешается сама Консуэло. Альберт содрогался при одной мысли о такой возможности, но со свойственной ему утонченной деликатностью не хотел никаких неосторожных разоблачений.

«Если Консуэло до такой степени любит его, — думал граф, — мне нечего бороться, да свершится судьба моя! А узнаю я об этом незамедлительно, ибо Консуэло правдива и завтра же открыто откажется от предложения, сделанного мною сегодня. Если же этот опасный человек только преследует ее и угрожает ей, то она хоть на сегодняшнюю ночь будет ограждена от его домогательств. Какой бы

ни слышался мне теперь таинственный шорох, я не шевельнусь — не сделаю гнусности, не подвергну бедняжку мукам стыда, явившись к ней без зова. Нет! Я не буду играть роль низкого шпиона, подозрительного ревнивца, ибо до сих пор ее отказ и колебания не дали мне никаких прав на нее. Одно только успокаивает мою честь, хотя и страшит мою любовь — это сознание, что я не буду обманут. О, душа моей любимой! Ты одновременно пребываешь в груди совершеннейшей из женщин и в лоне вечного Бога. Если сквозь тайны и тени человеческой мысли тебе дано в эту минуту читать в моем сердце, внутреннее чувство должно подсказать тебе, что я люблю слишком сильно, чтобы не верить твоему слову!»

Мужественный Альберт свято выполнил принятое им на себя обязательство, и, хотя во время бегства Консуэло ему и показалось, будто на нижнем этаже он слышит ее шаги, а затем какой-то менее понятный стук со стороны подъемной решетки, он все стерпел, молился и благоговейно сложенными руками сдерживал трепетавшее в груди сердце.

Когда стало светать, он услышал шаги и стук открывшейся двери в комнате Андзолето.

«Негодяй, — подумал он, — покидает ее самым бесстыдным образом и без всяких предосторожностей! Он точно хочет выставить напоказ свою победу. Ах, я почитал бы ничтожным зло, которое он причиняет мне, если бы своей любовью он не осквернял другой души, более драгоценной и дорогой для меня, чем моя собственная».

В тот час, когда граф Христиан обычно вставал, Альберт отправился к нему — не для того, чтобы предупредить его о происходящем, а чтобы просить еще раз поговорить с Консуэло. Он был уверен, что она не солжет. Ему казалось, что она сама должна желать этого объяснения, и он готов был облегчить ее горе, даже утешить ее и притвориться покорным судьбе, чтобы смягчить горечь

их расставания. Альберт не спрашивал себя, что будет потом с ним самим. Он чувствовал, что либо рассудок его, либо жизнь не вынесут такого удара, но не страшился мук, превышающих его силы.

Он встретил отца в ту минуту, когда старик входил в молельню. Письмо, положенное на подушку, одновременно бросилось в глаза обоим. Вместе они схватили его, вместе прочли. Старый граф был сражен, он испугался, что сын не перенесет удара, но Альберт, готовый к большему несчастью, был спокоен, исполнен покорности и непоколебимого доверия.

— Она чиста, — проговорил он, — и хочет любить меня. Она чувствует, что любовь моя к ней истинна и доверие нерушимо. Господь оградит ее от опасности! Будем уповать на это, отец мой, и будем спокойны. Не бойтесь за меня, я сумею пересилить свое горе и побороть сомнения, если они овладеют мной.

— Сын мой, — сказал растроганный старик, — мы стоим с тобой перед образом Бога; это Бог твоих предков. Ты перешел в другую веру, и, как ни страдал я в сердце своем, ты знаешь, что я ни разу не упрекнул тебя. Я паду ниц перед тем самым распятием, перед которым прошлой ночью дал тебе клятву сделать все от меня зависящее, чтобы любовь твоя была услышана и освящена достойным уважения союзом. Я сдержал свое обещание и теперь возобновляю его. Я снова буду молить Всевышнего, чтобы он исполнил твои желания, и чувства мои будут в согласии с моей мольбой. Не присоединишься ли и ты к моей молитве в этот торжественный час, когда, быть может, решается на небесах судьба твоей земной любви? О! Мой благородный сын, в коем Предвечный сохранил все добродетели, вопреки испытаниям, ниспосланным твоей прежней вере! Я видел, как ты ребенком, преклонив рядом со мной колена на могиле твоей матери, словно юный ангел, еще чуждый сомнениям, молился Верховному Владыке! Неужели ты

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

